

Владимир ШЛЯПЕНТОХ

Юбилейные заметки о Джордже Оруэлле и его критиках

Книга и юбилей. "1984" принадлежит к числу самых важных книг в моей жизни. Впечатление, которое она на меня произвела, когда я впервые ее прочитал в Новосибирском Академгородке в середине 1960-х годов, было очень сильным. У меня тогда знакомство с гениальным произведением вызвало острое ощущение. Совсем недавно я не без дрожи стал перечитывать книгу вновь и с радостью обнаружил, что моя оценка книги скорее укрепилась, чем расшаталась, после того, как за последующие три десятка лет мною было прочитано немало книг на тему "1984".

Реальный 1984 г. я встретил в Мичиганском университете и организовал единственную, как мне кажется, по крайней мере, в США конференцию о двух 1984-х годах, выявившую совершенно неожиданно для меня существование двух взглядов на то, о чем написан "1984" — о "нас", о сегодняшнем советском социалистическом обществе, что было и, впрочем, остается для меня очевидным, или о "будущем", о западном обществе, в котором, как казалось местным либералам, "Большой Брат" уже начинает править балом, пользуясь создавшейся ситуацией "холодной войны". В ходе полемики я доказывал то, что "1984" — это вовсе не *дистопия* или *антиутопия*, как утверждали "леваки" с момента публикации этого произведения. По сути, они пытались перенаправить разоблачительную мощь "1984" с советской социалистической системы на западное общество. Конечно, Дж.Оруэлл имел в виду будущее Запада, однако тоталитаризм он описывал так, как он реализовался на его глазах в России и Германии, что в 2003 г. отвергается все теми же критиками капитализма и особенно США.

Последующие почти 20 лет я не находил в Америке людей, которые бы разделяли мое восхищение Дж.Оруэллом, — оно в известном смысле только усиливалось тем, что я более основательно ознакомился с западной литературой о советском обществе. В этой литературе

стали преобладать публикации так называемых ревизионистов, яростно отрицавших тоталитарный характер общества, в котором я прожил более 50 лет, и демонстрировали полное непонимание механизма его работы. Я, конечно, не упустил случая ни в своих текстах, ни в выступлениях использовать труды Дж.Оруэлла для постоянной борьбы с теми, кто описывал политический плюрализм и активную роль масс в управлении милым их сердцу социалистическим обществом.

Надо ли говорить о том чувстве удовлетворения, которое я получил, узнав, что мир, прежде всего США и Англия, готовился масштабно отметить приближающееся 100-летие со дня рождения Дж.Оруэлла. Почти во всех ведущих газетах и журналах, равно как и в электронных медиа этой дате были посвящены статьи и передачи. Вышло несколько новых книг о писателе и его второй и последней жене Соне, а Вессли колледж в Бостоне — один из самых известных в Америке, организовал большую трехдневную конференцию, в которой принимали участие авторы книг и статей о Дж.Оруэлле из многих стран мира. Среди участников был хорошо известный российскому читателю Р.Конквест. Я выступил на конференции с докладом "Оруэлл — российский Токвиль", утверждая в нем, что автор "1984" принадлежит к тем редким "аутсайдерам", которые, как знаменитый французский граф (А.Кюстин), сумели понять чужое общество значительно лучше, чем те, кто в нем жил, "инсайдеры".

Признаюсь, что и конференция, и абсолютное большинство материалов о юбиларе глубоко поразили меня и вызвали нечто близкое к возмущению. Торжества проходили как бы в советском стиле, предполагающем, что они должны максимально учитывать "текущий момент" и непременно помочь реализации "современных идеологических задач". Я совсем не против того, чтобы новые поколения, накопившие свой опыт, смотрели на произведения прошлого в чем-то иначе, чем раньше. Я и попытаюсь это

сделать ниже. Однако в данном случае я был свидетелем почти полного равнодушия к произведениям Дж.Оруэлла.

Наибольшие страсти, разделившие на конференции старых друзей, сконцентрировались на вопросе принадлежности автора "1984" к тому или иному лагерю в борьбе вокруг Ирака. Согласно одной точке зрения, он немедленно бы присоединился к противникам нынешней американской администрации, во всех своих действиях, как внутри страны, так и за ее пределами, напоминающей "Большого Брата". Другие полагали, что он так же смело бы выступил в ее поддержку и рассматривал бы международный терроризм как новый тоталитаризм и так же отважно отринул бы от себя американских либералов, как реальный Дж.Оруэлл сделал в 1945 г. Именно тогда он, бросая вызов своим друзьям социалистам, атаковал "дядю Джо" (И.Сталина), выступавшего для одних как спаситель человечества, а для других как лидер торжествующего социализма. Именно тема войны в Ираке была в центре многочисленных статей, связанных с конференцией, или в статьях, посвященных отмечаемой годовщине рождения Дж.Оруэлла.

Только с чуть меньшей страстью на конференции и в печати велась полемика о том, к кому причислить Дж.Оруэлла: к феминистам или, наоборот, к врагам женщин. Одна докладчица страстно требовала не делать никакого снисхождения к оруэлловскому мужскому шовинизму. Нашлось немало места на конференции и гомосексуализму как важнейшей социальной проблеме современного западного мира. В одном докладе утверждалось, что "1984" был не только манифестом освобождения гомосексуалистов, но и мощной защитой эротической свободы во всех ее проявлениях. По мнению сторонников этой концепции, сексуальная репрессивность была основой — не просто побочным продуктом — тоталитаризма, который был ненавистен Дж.Оруэллу прежде всего из-за его враждебности свободному сексу.

И конечно же, среди докладчиков и особенно авторов статей практически не нашлось тех, кто бы не воспользовался случаем, чтобы не сказать об успехах в средствах информатики и тем самым подчеркнуть, как усилилось могущество "Большого Брата" за полсотни лет после публикации "1984".

Однако наиболее неожиданным для меня было появление и на конференции, и в прессе интеллектуалов, преисполненных ненавистью к Дж.Оруэллу. Конечно, большая часть из них — все те же "леваки", которые не могут простить ему нападки на социализм и присоединение к тори в их послевоенной конфронтации с СССР.

Отвергая попытку многих их единомышленников, перелицевать Дж.Оруэлла из врага советского тоталитаризма в библейского пророка, обещающего господство "Большого Брата" в западном обществе, они во время юбилейных торжеств обрушили на Дж.Оруэлла поток ненависти. Для дискредитации нашего автора применялись разные средства. Один автор в известнейшем американском интеллектуальном журнале *The New Yorker* приписывал Дж.Оруэллу помешательство на запахе людей как чуть ли не главную его характеристику и утверждал, что он глубоко, вопреки своим декларируемым симпатиям, ненавидел дурно пахнущий английский рабочий класс, откровенно извращая *The Road to Wigan Pier*, книгу Оруэлла о жизни пролетариев в его стране, очень напоминающую известное произведение "Положение рабочего класса в Англии". Второй недоброжелатель, известный радикал, уверял, что Оруэлл тайно симпатизировал колонизаторам, вопреки тому, что он писал в своих *Burmese Days*. Третий дискредитировал Дж.Оруэлла, лишил "1984" всякой оригинальности, утверждая, что это либо подражание "Железной пяте" Дж.Лондона¹, либо плагиат "Мы" Е.Замятина. Последнее утверждение, наиболее популярное, с моей точки зрения, глубоко ложно, так как оруэлловское описание тоталитарного общества бесконечно тоньше и глубже. Это вовсе не стоит ставить в вину Е.Замятину, написавшему свой эпохальный роман за четверть века до "1984" и наблюдавшему только формирующуюся репрессивную систему. Хотя известного влияния Е.Замятина на Дж.Оруэлла, написавшего похвальную рецензию на "Мы", отрицать не следует (особенно в динамике любовного сюжета), оно мало принижает оригинальность автора, так же мало, как и многие средневековые версии "Фауста" оригинальность великого произведения И.Гёте, а байроновский "Чайльд Гарольд" — "Евгения Онегина".

С особой злобой и даже садизмом все те же "леваки" цеплялись к любым фактам, реальным или нет, на основе которых они пытались представить Дж.Оруэлла как второразрядного писателя, антисемита, врага интеллигенции, аристократического сноба, человека, лишенного твердых принципов и способного приравнять пацифизм в годы Второй мировой войны к поддержке фашизма, политического доносчика, бесчестного журналиста, фабрикующего факты, авторитарного человека, внутренне склонного к насилию.

¹ См., например: *Taylor D.J. Orwell: The Life*. Henry Holt Company, Inc., 2003.

Не удивительно, что в кипевших по Оруэллу страстях, в которых его хулители встречали энергичный отпор со стороны его поклонников, у первых почти не было ни интереса, ни времени углубиться в произведения писателя, и в частности в "1984", и поразмышлять над тем, как они выглядят полвека спустя и как они помогают, или мешают, осмыслению событий этого бурного периода. Конечно, к этому могут быть склонны только те, кто вместе с Тимоти Эшем, известным британским аналитиком, относится к Оруэллу как "самому влиятельному политическому философу XX в." и решительно отвергает мнение о "1984" как любовном романе или поверхностной антиутопии.

Я вхожу в число тех, кто в "1984" видит выдающееся произведение социальной науки, поэтому хотел бы показать, в чем состоит его важнейший вклад в понимание общества и каковыми оказались, как показали полвека истории, слабые стороны главного открытия Дж.Оруэлла.

Я вовсе не считаю, что идея "Большого Брата", всевидящего и всемогущего властителя, индивидуального или коллективного, является наиболее интересной в книге. Ведь правы хулители "1984", что уже у Е.Замятина есть "Благодетель", а у А.Кестлера в "Спящей тьме" "Номер Один" — начальники высшего уровня. Не вижу я и в описании страха в Океании сугубо оригинального достижения, хотя, по сравнению со многими западными и даже российскими исследователями советского общества, Дж.Оруэлл все еще может считаться одним из лучших авторов, постигших природу страха в тоталитарном обществе.

Еще меньше тех исследователей, писавших о СССР, кто понимал, как Дж.Оруэлл, глубину всеохватывающей милитаризации советского общества. Не больше и тех, кто так глубоко проник в социальную структуру тоталитарной системы с ее тремя классами — партийными аппаратчиками, "маленькими начальниками" — активистами, служившими системе, не получая практически никаких привилегий от нее, и массы, которая действительно, как подметил Дж.Оруэлл, была самым свободным классом в тоталитарном обществе.

А вот найти авторов, которые понимали бы две другие проблемы советского тоталитарного общества, почти невозможно. Я имею в виду прежде всего понимание Оруэллом инструментального характера официальной советской идеологии. Ведь и поныне чуть ли не большинство специалистов по Советскому Союзу как на Западе, так и в России убеждены, что советские лидеры действительно рассматривали в качестве своей перво-степенной задачи строительство справедливого

бесклассового общества и обеспечение победы социализма во всем мире. Оруэлл, уже наблюдая роль СССР в испанской гражданской войне, понял то, что социалистическая идеология — лишь инструмент и довольно эффективный для решения геополитических задач советской элиты — расширения влияния СССР в мире.

Однако все-таки главным достижением Дж.Оруэлла, с моей точки зрения, является его вклад в понимание отношения населения к тоталитарной системе и способности человека к адаптации к жизни в трудных условиях. Более того, в известном смысле Дж.Оруэлл помог лучше понять психологическое приспособление человека к любой социальной среде, в которой он оказывается. Автор "1984" понял, что, как правило, те, кто живет в тоталитарном обществе (и скажем, даже шире — в любой среде с сильной властью), тяготеет не только к внешнему конформизму, к готовности выполнять любые приказы начальства (с активностью, пропорциональной силе власти), не только к тщательному сокрытию истинных мыслей и чувств, если они хотя бы отдаленно враждебны системе, но и к сердечному слиянию с режимом, идеологией, лидером как самому надежному способу выживания.

Конечно же, Уинстон был диссидентом в Океании, столь же "далеким от народа", как реальные диссиденты в постсталинские времена. Если верить Уинстону, все остальные жители его государства, за исключением его возлюбленной, сколь он помнит, были горячими и искренними обожателями системы, в которой они жили, и его усатого лидера.

Любовь к "Большому Брату", к "коллективному мозгу" системы (с. 228), к любому авторитету, способному наказать тем или иным способом отступника, — это нормальное условие выживания человека, по сути, в любом обществе, но, конечно, прежде всего в репрессивном.

Кто был ближе к Оруэллу в оценке отношения населения к советской власти? Ни один автор до Оруэлла и почти никто после него не понял огромной роли его описания "любви к Большому брату". Даже Эрик Фромм, выдающийся политический философ и знаток социальной психологии, в своем известном послесловии к "1984" не упомянул эту идею. Напрасно ее искать и в публикациях таких же благожелательных к "1984", как и автор знаменитого "Бегства от свободы" или в многочисленных публикациях вокруг оруэлловского юбилея¹.

¹ Fromm E. Foreword // George Orwell. 1984. N.Y.: Signet Classic, 1961. P. 257–267.

Чтобы понять значимость вклада Дж. Оруэлла нужно напомнить, что отношение советских людей к системе и общественное мнение в СССР, в частности в сталинский период, практически игнорировались до самого последнего времени как в западной литературе, так и в российской. Поразительно, что ни представители так называемой тоталитарной школы на Западе в лице Р. Пайпса или А. Малиа, ни их противники среди либералов — "ревизионисты" в лице Ш. Фитцпатрик либо полностью отказывались от характеристики общественного мнения в сталинские и последующие времена, либо ограничивались несколькими фразами. Это же справедливо для некоммунистических авторов в постсоветской России.

Этот отказ обсуждать отношение советских людей к системе, в которой они жили, вряд ли можно объяснить отсутствием надежных данных, которыми нередко западные советологи объясняли отказ от анализа важнейших проблем советского общества, например, роли КГБ. В действительности накопленная советскими социологами в 1960–1970-е годы социологическая информация при всех ее минусах, как показал Б. Грушин, анализируя свои исследования в хрущевский и брежневский периоды, могла многое рассказать о настроениях и взглядах советских людей. Однако эта информация не была использована ни западными, ни российскими исследователями для общей характеристики отношения населения к власти. Более того, даже эмпирические и достаточно ценные данные, добытые американскими исследователями, которые опрашивали беженцев из Советского Союза в 1940–1950-е годы¹ и эмигрантов в 1970–1980-е годы², тоже, по сути, игнорировались западными авторами, цитировавшими их крайне редко.

На мой взгляд, такая позиция большинства интеллектуалов, западных и российских, объясняется их нежеланием признать, что основная масса населения Советского Союза, особенно в ее наиболее активной части — образованных и молодых, по крайней мере, начиная с середины 1930-х годов, поддерживали систему до 1953 г. и культ ее лидера.

Демократические догмы, предполагающие уважение к мнению большинства, делали практически невозможным сочетание воинственного анти тоталитаризма вообще и антикоммунизма,

в частности, с признанием того, что тоталитарная система поддерживается народом. Эти же догмы не позволяли объяснять положительное отношение к тоталитарной системе террором и страхом, ибо это означало бы признание того, что элиты могут манипулировать массами и, очевидно, того, что народ "заслуживает то правительство, которое имеет", — фразы, которую Сталин демонстративно использовал в беседе с Гарольдом Стассеном в 1947 г., к удивлению советских интеллигентов, еще не потерявших здравый смысл.

Левые советологи на Западе при всей их симпатии к социалистическому обществу и критическом отношении к капитализму, не могли решиться на игнорирование репрессий в СССР против инакомыслящих и сомнительного характера выборов. Продолжая настаивать на широком участии народа в управлении обществом со ссылками на опыт "всенародных обсуждений" проектов конституций, важную роль советских профсоюзов или производственных совещаний в жизни советского общества, они не решались ставить точки над *i* и характеризовать советское общественное мнение как полностью поддерживающее советскую систему и толковать "культ личности" как позитивное явление. Только официальные советские идеологи, некоторые западные интеллектуалы, твердо повторяющие по причинам еще не разгаданным любые обобщения, идущие из Кремля, и совершенно ручные социологи внутри страны решались утверждать, что советский народ един в своей поддержке социалистического строя, партии и ее лидеров и что морально-политическое единство советского народа является фундаментальным фактом жизни.

Этим авторам противостояли очень немногие люди, такие, как Владимир Буковский, который утверждал, имея в виду 1970-е годы, что из-за недовольства народа "советское общество живет как на вулкане"¹.

Примечательно, что советская либеральная интеллигенция была, конечно, ближе к позиции Буковского, чем Кремля, хотя мало кто разделял экстремистскую позицию знаменитого диссидента. Вот пример. Накануне опросов читателей центральных газет, таких, как "Известия", "Труд", "Литературная газета" и "Правда", во второй половине 1960-х годов, реагируя на уверенность журналистов, что они и без опросов знают своих читателей, мы предложили им заполнить анкету с прогнозами результатов опроса.

¹ См.: *Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society.* N.Y.: Atheneum, 1968.

² См.: *Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens / Ed. J. Millar.* Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1987.

¹ *Bukovsky V. Jugement à Moscou.* P.: Robert Laffont, 1995.

Прогнозы журналистов о том, как читатели ответят на вопросы анкеты, были, конечно, далеки от того, что на самом деле отвечали их читатели. Но самое интересное состояло в том, что все ошибки журналистов во всех газетах имели один и тот же характер: они преувеличивали критическое отношение читателей к советским медиа во много раз.

Однако не только журналисты, но и сами социологи были склонны трактовать полученные ими данные как якобы свидетельствующие о высоком критическом уровне населения и особенно интеллигенции. По крайней мере, это замечание непосредственно касается меня и тех, кто участвовал в анализе данных опросов читателей центральных газет, о которых шла речь выше. Сравнивая, например, отношение читателей *"Литературной газеты"* в конце 1960-х годов к журналам *"Новый мир"*, который представлял тогда либеральную интеллигенцию, и *"Октябрь"* — журнал сталинистов, мы с радостью констатировали, что подавляющее большинство поддерживает публикации первого, и лишь меньшинство — второй. Нам тогда казалось, что интеллигенция стоит в оппозиции к социалистической системе и коммунистической партии, и это была наша большая ошибка. В действительности массовая интеллигенция и даже ее верхушка, то, что называлось в советские времена творческой интеллигенцией (или интеллектуалами, если использовать западную терминологию), тогда была предана существующей системе и только хотела, чтобы "Большой Брат" был менее кровожаден, а если возможно, и более гуманен. Это еще более справедливо для народных масс, которые при всем их недовольстве разными сторонами материальной жизни, например, очередями, и ненависти к местному начальству не видели и близко альтернативы системе и верили в ее вечность.

Такое же отношение к тоталитарной или даже авторитарной системе и к их лидерам мы наблюдаем во многих современных обществах (маоистский Китай, режимы на Кубе и в Северной Корее), недавних (нацистская Германия, франкистский режим, режим Х.Перона) или далеких (практически все монархические режимы, если говорить только о XIX в. — от Франца Иосифа до Николая II).

Самопропаганда — другое открытие Оруэлла. Оруэлл, безусловно, видел во всеохватывающем страхе перед начальством главную причину любви к "Большому Брату" и системе, которую он представлял. Именно используя страх, система навязывает сверху свою идеологию, пуская в

ход гигантский пропагандистский аппарат, заставляя работать на себя все СМИ, институты образования, литературу и искусство и, конечно, семью, вколачивая уже в сознание детей все необходимые образцы сознания и поведения. В *"1984"* уже семилетний сын соседа с величайшим удовольствием выполняет роль доносчика (с. 50). Практически все, кто со знанием дела писал о пропаганде в тоталитарном режиме, были в полном согласии с Дж.Оруэллом в его описании того, как система "давила на мозги" сверху, используя свой огромный арсенал мобилизационных средств.

Между тем роль "промыывания мозгов", значимость пропаганды в обществе сильно преувеличена в социальной науке. В действительности люди часто являются своими собственными пропагандистами и более успешными, чем те, кто назначен райкомами партии или другими идеологическими учреждениями в любом обществе.

Вот именно это и понял Дж.Оруэлл с его фантастической интуицией в понимании тоталитарного, как и любого общества вообще. Оруэлл показал первым, что процесс идеологизации сознания идет не только сверху, но и снизу. Этого требовали те же условия выживания людей в трудных условиях, которые были в центре внимания автора *"1984"*. Кто живет в страхе перед наказаниями — от ГУЛАГа до остракизма на кафедре американского университета, — сам жаждет поверить в идеологию, которая рационализировала бы их подчинение среде, оправдывала бы их конформизм в поведении, что особенно важно для тех, кто не является "авторитарной личностью", жаждущей подчинения начальству в любой ситуации — в семье, в кругу друзей, в школе или на работе.

Все вокруг Уинстона не просто были объектами пропаганды, но сами страстно искали подтверждений того, как велик "Большой Брат" и что все идет так, как он говорит. Автор *"1984"* понял, что миллионы людей сотрудничают с господствующей политической силой не столько, чтобы получить небольшие материальные привилегии, сколько для того, чтобы себя чувствовать как коллега Уинстона, Сайм (с. 53), частью системы. Многие добровольно работали агентами политической полиции только для того, чтобы повысить чувство своей собственной безопасности. По этой причине люди жаждали приобщения к тому, что я называю закрытой идеологией, предназначенной только членам внутренней партии, в СССР — номенклатуре. На худой конец они жаждали доступа к документам закрытых партийных собраний, где оглашались тексты, относящиеся к промежуточ-

ной зоне между открытой и закрытой идеологиями.

Склонность к самопропаганде — умению заставить людей самих внушать себе правильность официальных догм — усиливается также значительно и иным великим открытием советского тоталитаризма, которое, как и некоторые другие важные советские изобретения (кавычки здесь не нужны!), был заимствован режимами такого же толка и прежде всего нацистским. Система "додумалась" (я ее в целом рассматриваю как вполне рациональную, если иметь в виду ее подлинные цели) до превращения почти всех активных людей (образованных и молодых) в своих пропагандистов, создав миллионы должностей в идеологической сфере. Пропагандисты на бесконечных псевдовыборах, члены избирательных комиссий и бесчисленных профсоюзных и комсомольских бюро и комитетов (я не говорю здесь о партийных органах), делегаты мириады конференций разных уровней — все участники этих акций, навязывая "другим" официальную позицию, в большинстве пропагандировали прежде всего себя. Только меньшинство даже в постсталинские времена было способно оперировать "параллельным, или двухуровневым, мышлением" (не путать с оруэлловским двоемыслием, означавшим просто способность игнорировать противоречия или быструю смену официальных догм)¹. У Оруэлла только Джулия пользовалась в своем сознании этим механизмом, предполагающим полное принятие всех абстрактных, не имеющих отношения к текущей жизни клише ("идеологический уровень") и их полное игнорирование в обыденной жизни ("прагматический уровень"). Возлюбленная Смита "была готова принять официальную мифологию", включая утверждение, что "партия изобрела самолеты", но она не верила тому, что "касалось ее собственной жизни" (с. 127). Абсолютное же большинство активных граждан — члены "внешней партии" в "1984" — в сталинский период, начиная с середины 1930-х годов, и множество людей в постсталинский период не были способны даже на это параллельное мышление.

Эту же жажду присоединения к господствующей в данной среде идеологии, стремление "быть распропагандированным", добровольно "отдаться идеологическому насильнику" я наблюдаю в полной мере и в американском обществе. Мало кому охота в среде, где доминирует офи-

циальная идеология с ее акцентом на защите меньшинств (в общем-то очень благородная идеология, но это другое дело), хочется выглядеть расистом или женоненавистником. Неохота также притворяться и постоянно следить за собой, чтобы случайно не высказать свои отличные взгляды на те или иные элементы этой идеологии, и поэтому разумнее искать самому, именно самому, информацию, способную тебя убедить, что "Большой Брат", исповедывающий в данном случае очень милые и гуманистические взгляды, конечно, во всем прав. «"Большой Брат", — рассуждает либеральный профессор и на кафедре, и в постели с женой (в Америке нет столь важного для другого мира различия между общественной и частной жизнью), — абсолютно прав, когда утверждает, что расовые различия — чистый вздор, даже если генетика что-то говорит о разной частоте болезней у различных расовых и этнических групп населения». Он же утверждает, что женщины способны выполнять с одинаковым успехом те же работы, что и мужчины (а норвежское правительство обязало свои корпорации иметь в будущем не менее 40% женщин среди советов корпораций). Параллельное мышление западному человеку, чуждому, как правило, цинизма, даже менее доступно, чем советскому интеллигенту в 1960-е годы.

Конечно, нельзя не видеть и в феномене "самопропаганды" коренных различий между тоталитарным и нетоталитарным обществом. В первом обществе при условии, что оно уже стабилизировалось и способно к самовоспроизводству ("нормальное тоталитарное общество" в моей формулировке), выбор другой, негосподствующей идеологии связан часто со смертельной опасностью, и только меньшинство — диссиденты, тайные или тем более открытые — решаются на такой риск. Смит в "1984" и представляет это ничтожное меньшинство.

В другом обществе человек может выбрать сам свою идеологию, не рискуя, как правило, своей безопасностью, даже если ему приходится идти на суровый конфликт со своей исходной средой, в частности, с семьей, религиозным окружением, сверстниками, коллегами, политическими активистами и с правительством.

Что Оруэлл игнорировал? Оруэлл, однако, не всегда был прав, и его анализ отношения масс к тоталитарному режиму имел важный недостаток. С его склонностью к либеральному, почти анархическому взгляду на мир — он не только ненавидел неравенство, но и государство как институт — он не понимал, что "Большой Брат" является также гарантом порядка в обществе.

¹ О моей концепции двухуровневого сознания см.: *Shlapentokh V. A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed*. Armonk: M.E.Sharpe, Inc., 2001.

Частично этот минус оруэлловской картины общества объясняется тем, что автор "1984" жил в такой милой стране, как Англия первой половины XX в., которая и близко не подозревала о высоком уровне преступности и асоциальности.

Оруэлл не понял, как и авторы "Мы" и "Спящей тьмы", какое значение имеют "Большой Брат", "Благодетель" или "Руководитель Номер Один", если говорить только о XX в., как символы порядка и преодоления хаоса в России во время гражданской войны. А вот это поняли еще в начале 1920-х годов Василий Шульгин и многие другие монархисты, в то же время национал-большевики, как и в Веймарской Республике, а затем и в домаоистском Китае. Оруэлл как бы не хотел и не мог принять в расчет, что для мыслящих в терминах Гоббса народных масс издержки репрессий совсем невелики, по сравнению с ужасом хаоса в стране.

В своем игнорировании роли порядка в обществе Оруэлл не был одинок во второй половине

XX в., когда большинство социальных исследователей игнорировали важность социального порядка и демонстрировали свое враждебное отношение к государству как социальному институту, трактуя его часто как "постоянную угрозу гражданам", даже в демократическом обществе. Мишель Фуко, с его ненавистью к буржуазному государству и порядку, им насаждаемому, имел бездну поклонников не только во Франции, но, наверное, еще больше в США. Между тем отношение масс к Левиафану было совсем иное. Особенно это стало очевидным в посттоталитарных странах, в которых тяга к порядку оказалась огромной, что частично объясняет сильную ностальгию по *ancien regime* практически во всех посткоммунистических странах, включая даже Восточную Германию, а также возрождение культа Сталина¹.

¹ Дубин Б. Сталин и другие // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 1. С. 13–25.

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ КСЕНОФОБИИ В ЭЛЕКТОРАТАХ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

(в % от общего числа опрошенных, март 1996 г., N=2400; человек; ноябрь 2003 г., N=2100 человек; приведены только негативные ответы на вопрос: "Как Вы чаще всего относитесь к людям перечисленных ниже национальностей?" — "с недоверием, раздражением" и со "страхом, неприязнью")

Сторонники партии	Год	Азербайджанцы	Американцы	Евреи	Чеченцы	Цыгане	Эстонцы
КПРФ	1996	29	22	18	54	46	20
	2003	36	25	22	56	46	18
ЛДПР	1996	34	2	15	51	49	24
	2003	44	17	6	60	51	8
"Яблоко"	1996	25	5	2	47	44	13
	2003	47	18	6	66	52	19
КРО	1996	44	9	11	63	40	8
ДВР	1996	36	9	10	40	45	1
ЕР	2003	30	12	7	59	55	12
СПС	2003	47	11	6	60	55	19
НДР	1996	26	4	6	48	40	6

За прошедшие годы уменьшился разрыв между сторонниками коммунистов и национал-популистов, с одной стороны, и сторонниками демократов и поддерживающими "партию власти" — с другой. Если в 1996 г. суммарный показатель ксенофобии у коммунистов в 1,5 раза превосходил соответствующие показатели демократов и "центристов", то в 2003 г. различия между национал-патриотами и демократами стали ничтожными, а разрыв между теми и другими и партиями пропрезидентского большинства уменьшился до 20%.